

Александра
Баркова

Мифология Средиземья

С иллюстрациями
Антейку

МИО

АЛЕКСАНДРА БАРКОВА

Мифология
Средиземья

С иллюстрациями
Антейку

Москва
♦ МИФ ♦
2026

УДК 82.091+82-343
ББК 83.3(0)6+82.3-440
Б25

Баркова, Александра

Б25 Мифология Средиземья с иллюстрациями Антейку / Александра Баркова. — Москва : МИФ, 2026. — 240 с. : ил.

ISBN 978-5-00250-243-1

Мир Средиземья, созданный Дж. Р. Р. Толкином под влиянием кельтского, скандинавского и финского эпоса, породил новую мифологию, которая продолжает влиять на умы людей. В этой книге фольклорист и толкинист Александра Баркова рассказывает об истоках сюжетов «Властелина колец», «Хоббита» и «Сильмариллиона» и о том, как преломились в них универсальные мифологические категории, сохранившиеся в мышлении человечества с древнейших времен до наших дней.

Цветное подарочное издание с иллюстрациями Антейку.

УДК 82.091+82-343
ББК 83.3(0)6+82.3-440

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-243-1

© Баркова А., 2026
© Иллюстрации. Антейку, 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Оглавление

Введение	6
Часть 1. Творец мифа – ученый	11
Глава 1. Любовь к слову	13
Глава 2. Средиземье: построение системы	21
Глава 3. Источники культуры	44
Часть 2. Творец мифа – художник	107
Глава 1. Мифологическое клише в романе: пространство и время	111
Глава 2. Ось и антиось	121
Глава 3. От сказки к эпосу	139
Глава 4. Следы древнейших мифов	162
Глава 5. Типы мифологического мышления и формы их воплощения	183
Часть 3. Преображенная реальность	187
Глава 1. Волшебные истории реальных колец	190
Глава 2. Священное молчание	199
Глава 3. Несокрушимый мир детства	204
Глава 4. Философия имени	212
Глава 5. Дунаданы, Шекспир, Руссо и Робин Гуд	223
Примечания	236

Введение

Английского писателя Дж. Р. Р. Толкина можно по праву назвать властителем дум целого поколения. И даже не одного — популярность его книг, породивших настоящую субкультуру, растет с каждым десятилетием. «Властелин колец» — наиболее известное из литературных произведений Дж. Р. Р. Толкина. Оно по праву признано одним из самых читаемых в истории мировой литературы. Будучи впервые опубликованным в 1954–1955 годах, роман до сих пор вызывает неизменный интерес у все новых и новых поколений читателей. В наступившем веке «Властелин колец» переживает очередной, весьма бурный период повышенного внимания к себе. Принадлежность «Властелина колец» к мировой литературе (в самом глобальном смысле: как во временном, так и в пространственном аспекте) оказывается гораздо важнее, нежели принадлежность его конкретно к литературе XX века.

Еще одна причина, не позволяющая говорить о «Властелине колец» только лишь как о достоянии ушедшего века, — это существование субкультуры, в зарождении которой роман сыграл решающую роль. Истоки этой субкультуры следует искать в «толкиновских обществах», образованных в середине 1960-х годов (сразу после издания романа в Америке) американскими студентами, для которых книга стала поистине культовой. Затем толкинистское движение распространилось также по Европе. Путь книги

в Россию был гораздо длиннее: с начала 1960-х годов существовали самиздатовские переводы, известные лишь единицам, а первая часть трехтомной эпопеи была опубликована лишь в 1982 году (и некоторые школьники, которым посчастливилось ее прочесть, целых восемь лет оплакивали Гэндальфа — до выхода второго тома). Только в начале 1990-х вышел первый полный перевод романа, а чуть позже — и «Сильмариллиона». С конца 1980-х годов развивается русское движение толкинистов — то очень заметное среди молодежных сообществ, то уходящее в тень.

В рамках субкультуры «Властелин колец» перестает быть исключительно художественным текстом; он становится неким своеобразным первоэлементом особого мира и одновременно свидетельством существования этого мира — Словом, созидающим Материю, инструментом Демиурга, строящего свой универсум, отличный от физической реальности. И хотя для субкультуры несомненную ценность представляют и другие произведения, вышедшие из-под пера Толкина (в частности, «Сильмариллион»), именно «Властелин колец» видится тем краеугольным камнем, на котором держится мироздание в понимании культуры толкинистов.

Так в чем же загадка мира Толкина? Чем отличается «Властелин колец» от других романов фэнтези? Почему именно эта книга породила целую субкультуру, активно существующую в нашей стране уже четвертое десятилетие (в то время как большинство других литературных субкультур никогда не были так заметны и не перешагнули рубеж 2000 года)? Что именно находили и продолжают находить во «Властелине колец» его читатели, почему практически осуществилось желание автора эпопеи, однажды сказавшего: «Мне хотелось, чтобы люди просто оказались внутри книги и воспринимали ее, в каком-то смысле, как реальную историю»¹? В какой момент зарождается абсолютное доверие к тому, о чем читаешь на страницах романа, заведомо являющегося художественным вымыслом?

Ответ на этот вопрос следует искать в глубочайшей эрудиции Толкина. Недаром в субкультуре его зовут просто Профессор —

не потому только, что он долгие годы был профессором Оксфорда, нет: независимо от глубины собственных познаний в лингвистике, астрономии, ботанике, мифологии, литературе и других науках, толкинисты ощущают, какой огромный багаж знаний стоит за текстом «Властелина колец».

Чтобы хоть отчасти приблизиться к пониманию этого мира, мы попытаемся проанализировать его в нескольких аспектах. Во-первых, как отражение системы знаний, почерпнутых из естественных и точных наук (что создает исключительно достоверную материальную основу мира). Во-вторых, мы рассмотрим мир Средиземья в проекции трех культур, которыми вдохновлялся Толкин: кельтской, скандинавской и финской. И в-третьих, мы дадим обзор образов и сюжетов с точки зрения типологии, то есть преломления в тексте универсальных мифологических категорий, сохраняющихся на глубинном уровне в мышлении человечества с древнейших времен до наших дней.

Подчеркнем, что если естественно-научный подход к создаваемому миру был результатом сознательной, целенаправленной работы Толкина, то два других находились скорее в сфере художественного переживания, нежели в сфере отрефлексированной аранжировки тех или иных мотивов. В этом и заключается уникальность Толкина: ученый в нем верно служит художнику. Именно синтез обеих составляющих — научно выверенной фактографии и полета творческой фантазии — дает в результате уникальный культурный феномен современности: литературное произведение, вышедшее за пределы самой литературы на качественно иной уровень — уровень формирования нового культурного пласта.

Автор книги принадлежит к субкультуре более тридцати лет, что дает возможность взглянуть на мир Толкина как снаружи, глазами ученого, так и изнутри — глазами того, кто воспринимает Средиземье как пусть нематериальную, но реальность.

Это издание представляет собой переработанный вариант книги «Феномен Толкина», вышедшей под редакционным названием

«Все тайны мира Толкина. Симфония Илуватара». Автор сердечно благодарит тех, кто помогал в работе: прежде всего Константина Пирожкова и Элентирмо (Сергея Белякова), а также Могултая (Александра Немировского) и Андрея Архипова.

«Толкиен» или «Толкин»?

Среди русских толкинистов правописание фамилии Профессора — поле битв не на жизнь, а на смерть. В этом издании, по настоянию редакции, будет использоваться общепринятая на данный момент форма «Толкин». Однако есть масса аргументов в пользу второго варианта.

В изданиях 1990-х годов писали «Толкиен», в новом веке возобладали другая точка зрения. Аргумент ее сторонников — цитата из письма к Ричарду Джеффери: «Мою фамилию постоянно пишут (кроме тебя) как Tolkein. Не знаю, в чем причина, поскольку всегда произношу окончание как -кин». Но эта цитата используется неверно. Речь идет об английском произношении, а никак не о транслитерации на славянские языки. Для русского языка (как, впрочем, и для английского) нормально несовпадение написания и произношения. А при переводе надо учитывать законы не только языка оригинала, но и языка перевода. Фамилия «Толкиен» опознается как иностранная, фамилия «Толкин» — как русская, так что в творительном падеже могут возникнуть проблемы. Кроме того, мы живем в мире, где все больше распространяется автоматический перевод, так что русское «Толкин» регулярно превращается в Tolkin, что недопустимо.

Игнорирование законов русского языка — беда многих современных переводов. Так, имя принцессы Luthien сейчас пишут как «Лютиень», не замечая там слова «лют» во внутренней форме. Иные увлекаются фонетикой и практически во всех именах пишут «э», отчего текст приобретает пародийно-кавказский акцент, а уж написание «Бэрэн» выглядит и вовсе насмешкой над героем.

Как же поступить?

Первые переводчики «Властелина колец» руководствовались принципом выдоха. Это означает, что если в слове нет смычных согласных, то звук *th* передается как «ф», а если есть, то как «т»: именно поэтому корень *mith* («серый» по-эльфийски) дает нам в русском варианте как «мифрил», так и «Митрандир». По этому принципу принцессе надо было бы звать «Луфиэн», и совершенно гениальным оказывается вариант Кистяковского «Лучиэнь», неверный с точки зрения законов английского языка, но соответствующий русской фонетике и содержащий в себе потрясающую внутреннюю форму в придачу. Исключения из принципа выдоха бывают (например, «Аранарт», о котором поговорим в свое время), но они единичны.

Еще одна проблема — двойные названия. В английском языке нет склонения, поэтому написание *Minas Tirith* не вызывает никаких проблем. Но оно есть в русском языке, причем склоняется только второе слово, поэтому приходится ставить дефис: «в Минас-Тирите» (кстати, если бы мы переводили это название, то дефис стоял бы, хотя склонялись бы оба слова: «Град-Страж», «в Граде-Страже»). Ради единообразия мы ставим дефис во все двойные названия, то есть «на высокой Амон-Сул», хотя название горы и не склоняется. Подобный подход неизбежно найдет своих противников, но нам представляется важным соблюдать в русском тексте законы русского языка.